

ПРЕДИСЛОВИЕ

О чем эта книга?

Давайте вообразим, что мы познакомились с человеком, который называет себя язычником. Какой смысл он вкладывает в это слово?

Или посмотрим на ситуацию с другой стороны: о ком-то говорят, что он — язычник. Что при этом имеется в виду?

Или та же картина, но чуть под иным углом: пресса пишет о неоязычниках, возможно цитируя кого-то из представителей православной церкви. Правильно ли думать, что журналист, опубликовавший материал, и тот клирик, на которого он ссылается, подразумевают под язычеством одно и то же?

А о ком размышляют исследователи, выбирающие новое язычество предметом изучения? И насколько будут совпадать между собой точки зрения и оценки философов, религиоведов, культурологов, историков, социологов и социальных антропологов?

Все эти вопросы и сомнения неизбежно подстерегают всякого, кто проявляет интерес к современному язычеству, а уж тем более того, кто берется изучать его и описывать. Мнимая простота этого словосочетания на редкость обманчива, за ней скрывается разноликое, разнообразное, удивительно многогранное социальное явление,

накопившее за годы своего становления чрезвычайно богатую мифологию.

Последняя фраза требует сразу двух уточнений. Во-первых, вместо «годы» следовало бы сказать «десятилетия», если не «столетия»: хотя это язычество принято именовать современным, свою историю оно ведет с эпохи Возрождения, но получило зримое воплощение и сделалось по-настоящему массовым, конечно, только в XX веке.

Во-вторых, «мифология» — вовсе не обидное определение. Наоборот, оно, как кажется, ставит современное язычество вровень с другими мифологическими мировоззренческими системами — древними и нынешними.

В самом деле, снисходительное отношение к мифам, или к «легендарному баснословию», как писал классик отечественной фольклористики Федор Буслаев, осталось в далеком прошлом: таким отношением могли грешить в ту пору, когда мифы считались детством человечества, благополучно преодоленным и «сданным в музей». Однако сегодня принято считать, что *homo sapiens* как таковой — существо мифологическое, что мифы и мифология — наш специфический способ познания мира и наш способ жизни, индивидуальной и коллективной. Так что под мифологией современного язычества понимается не набор «пустых выдумок и безудержных фантазий» — оставим эти и подобные им суждения на совести тех, кто их изрекает, — а особый взгляд на окружающий мир, особое мировоззрение, которого придерживается некоторая часть рода людского.

Эта книга рассказывает об истории современного язычества, о людях, которые эту историю творили и продолжают творить, и об языческих мифах, обладающих немалой притягательностью — и открывающих мир с неожиданной стороны.

Предисловие

Искренне благодарю коллег Екатерину Мельникову, Дарью Трынкину, Дмитрия Антонова, Константина Богданова, Алексея Гайдукова, Дмитрия Громова, Дмитрия Дорони-на, Александра Панченко и Романа Шиженского за обсуждения, споры, гипотезы, советы и подсказки. На многое мы смотрим по-разному, но идем в научном поиске к одной цели.

Моей жене Ольге, первому читателю книги, — отдельное спасибо за терпение и вообще за все; мы вместе, и это здорово.

*Кирилл Королев,
март 2025 г.*

ГЛАВА 1

Что такое современное язычество

«Битва на гороховом поле». — Понятие современного язычества. — Слово «язычник» и его значение. — Язычество древнее и нынешнее. — «Латинское» и «подлинное» язычество. — Народ, вера, национализм. — Язычество как религия. — Почитание природы. — Направления современного язычества. — Четыре языка язычества.

Тридцать первого мая 1985 года в лесу Сэйвернейк в британском графстве Уилтшир остановился на ночевку так называемый «Мирный отряд» (*Peace Convoy*) — 140 автобусов, фургонов и легковых автомобилей. В процессии участвовали, по разным сведениям, от 500 до 600 человек. Переночевав в лесу, рано утром 1 июня процессия двинулась к месту назначения в окрестностях города Солсбери — туда, где расположен знаменитый круг мегалитов Стоунхендж и где с 1974 года проводился в дни летнего солнцестояния Свободный фестиваль.

Приблизительно в 7 километрах от Стоунхенджа дорогу автоколонне преградил полицейский заслон, а шоссе вдобавок оказалось засыпанным грудой гравия. Попытки добраться до места по проселкам тоже не принесли успеха: наряды полиции стояли повсюду. Тогда, по утверждению полисменов, несколько машин из состава конвоя попробовали прорваться сквозь заслон, пешие же «паломники» начали закидывать полицейских комьями земли и палками; кто-то якобы бросил самодельный «коктейль Молотова». В ответ полиция пустила в ход дубинки, принялась бить лобовые стекла автомобилей и арестовывать всех подряд. Как писал со слов очевидцев корреспондент газеты «Обсервер» Ник Дэвис, полицейские «без стеснения

лупили по головам даже беременных и матерей с маленькими детьми». Колонна рассыпалась, перепуганные люди кинулись в придорожные поля, однако за ними устроили погоню: тех, кого удавалось догнать, снова охаживали «для порядка» дубинками и брали под арест, а машины «отряда» полицейские громили и поджигали.

Итогом «битвы на гороховом поле» (*Battle of the Beanfield*), как впоследствии стали называть историческую стычку «паломников» к Стоунхенджу с полицией, оказались десятки пострадавших в больницах (из них 8 полисменов), 537 человек были арестованы — им предъявили обвинения в нарушении законодательства (Верховный суд запретил в том году проведение фестиваля — еще до «битвы»); это массовое задержание гражданских лиц считается крупнейшим в истории Великобритании со времен Второй мировой войны. Против полиции подали 24 иска, и почти все они были удовлетворены, но сумма денежной компенсации покрывала лишь, по сути, судебные издержки.

Фестиваль 1985 года в Стоунхендже, разумеется, не состоялся, а «безопасную зону» вокруг кольца мегалитов на дни солнцестояния полиция поддерживала еще добрый десяток лет (одного из тех, кто все равно рвался к древнему монументу, арестовывали и штрафовали каждый год — это был вожак британских новых друидов, принявший имя Артур Утер Пендрагон, «в миру» Джон Т. Ротвелл). Только в 1999 году Комиссия по историческим зданиям и памятникам Англии вновь открыла ограниченный доступ к Стоунхенджу в эти дни, однако вскоре разрешение отозвали. Понадобилось решение Европейского суда по правам человека, чтобы внести в местные законы те поправки, на которых настаивали желающие посетить монумент именно в дни солнцестояния.

С 2000 года действует «режим ограниченного доступа», и новые «солнечные» фестивали в Стоунхендже — вполне официальные и уже далеко не такие свободные, как в 1970-х, — собирают ежегодно от 10 000 до 30 000 человек.

Кем были те люди, которые так настойчиво пытались прорваться к Стоунхенджу в роковой для них день 1 июня 1985 года? Обобщая — и держа в уме то обстоятельство, что многие, по их словам, ехали в Стоунхендж, чтобы побывать в «прославленном месте силы», — этих людей можно смело причислить к современным язычникам. Сам местный фестиваль по духу был, скорее, ближе к идеологии хиппи, но вот конкретно эта группа, пострадавшая от полиции, — так называемые *New Age travellers*, или «нью-эйдж-путники» — принадлежала к искателям альтернативной духовности, желавшим «напитаться энергией» из места силы, то бишь к язычникам в широком смысле этого слова.

Нью-эйдж и современное язычество

Движение нью-эйдж (буквально: «новая эра») объединяет множество людей, ожидающих наступления «эпохи преобразований», которая будет лучше и совершеннее нынешней и в которую человек радикально изменится и «вырастет над собой». Чтобы подготовиться к наступлению этой эпохи, следует усиленно заниматься саморазвитием через всевозможные духовные и телесные практики.

Французский социолог Паскаль Буайе считает движение нью-эйдж утешительной религией. Британский религиовед Джордж Криссайдс видит в этом движении сеть духовных общин,

объединенных рядом ключевых идей. Сторонники движения полагают, что ни одна традиционная религия не в состоянии ответить на все экзистенциальные вопросы, что себя нужно воспринимать оптимистически (вплоть до отождествления с Богом) и что человеку необходимо самосовершенствоваться.

Как мы увидим в главе, посвященной синкретическим направлениям современного язычества, у идеологии нью-эйдж действительно много общего с новой религией (прежде всего с виккой — популярнейшим синкретическим вероучением, о котором пойдет речь далее в тексте книги), поэтому неудивительно, что в некоторых научных работах, а тем более среди широкой публики нью-эйдж и новое язычество порой объединяются или что викку иногда причисляют к направлениям нью-эйдж.

Но в целом это два принципиально разных духовных пути — язычники смотрят, скорее, в прошлое, где лежит их «наследие», тогда как ожидания сторонников нью-эйдж связаны преимущественно с будущим; для последних чрезвычайно важно «метафизическое совершенство» человечества, а язычники обыкновенно говорят о полноте духовного и физического развития; наконец, практики нью-эйдж больше направлены на личное развитие и «просветление сознания», а язычники в своих обрядах славят богов. По выражению американского религиоведа Майкла Йорка, это «две соперничающих религии».

Уж тем более подпадают под определение современных язычников «новые друиды», которые, собственно, и добились от Европейского суда права посещать монумент в дни солнцестояния. В мотивировке судебного решения указывалось, что представители любой религии вправе совершать обряды в своих храмах, а Стоунхендж является святилищем для приверженцев «древних и новых религий».

Если коротко, вторая половина XX столетия ознаменовалась среди прочего всплеском «обновленной», по выражению социолога Хосе Казановы, религиозности, прежде всего в Европе и США, — причем значительную часть новых религиозных движений (НРД) составили именно движения языческого толка.

К истории становления и развития современного язычества мы обратимся в следующей главе, а в первую очередь необходимо разобраться с самим понятием и проследить, как оно складывалось.

Хотя современное язычество как общественное явление насчитывает минимум полвека, в научной литературе и в публицистике до сих пор нет согласия по поводу того, какого названия это явление более всего заслуживает и какое название точнее всего передает его особенности. Употребляются в качестве синонимов такие обозначения, как «новое язычество», «неоязычество», «младоязычество», «возрожденное», «реконструируемое» и «современное» язычество, «старая вера» и «древняя вера», а в совокупность новоязыческих практик включаются практически все религиозные, парарелигиозные, квазирелигиозные, общественно-политические и культурно-исторические (связанные с культурным наследием) практики: по словам одного из ведущих отечественных исследователей этой темы Алексея Гайдукова, от гаданий, колдовства и коммерческой магии до теософии, учений нью-эйдж и религиозного синкретизма. («Паломники» в Стоунхендж, столь ретиво рассеянные британской полицией, по своему вероисповеданию принадлежали как раз к последователям многочисленных духовных учений нью-эйдж.)

На страницах настоящей книги будет использоваться термин «современное язычество» (*англ.* modern paganism) —

как наиболее нейтральный по своему содержанию и наименее оценочный или пристрастный.

Но даже такое нейтральное обозначение, нужно отметить, вызывает возражения у части современных язычников. Они заявляют, что, во-первых, такое определение не может считаться правильным: «у нас не религия, а вера» — вера в «исконных» или «родных» богов, а данное определение придумано «церковниками и учеными», которым «надо было как-то описывать нашу веру» (из интервью одного современного славянского язычника). Во-вторых, само представление о язычестве как таковом сложилось, по мнению сторонников «веры в родных богов», благодаря христианству и подразумевает, следовательно, мышление в христианской «системе координат», то есть ставит национальные верования в заведомо унижительное и подчиненное положение по сравнению с общепринятыми, традиционными мировыми религиями, хотя эти верования, не исключено, древнее того же христианства.

Словом, язычники не очень-то хотят именоваться язычниками — и предпочитают самоназвание по тому или иному этническому направлению современного язычества, по той или иной «национально-племенной» принадлежности: славянские родноверы, западноевропейские «новые друиды», германо-скандинавские асатруа (последователи асатру) и так далее. Поэтому нередко можно встретить применительно к современному язычеству обозначения «этническая религия», «нативистская религия» и даже «туземная, местная» (*indigenous*) религия.

Слово «язычник» и его значение

Согласно этимологическому словарю русского языка Макса Фасмера, слово «язычник» происходит от церковнославянского существительного «язык» со значением «народ». То есть

определение «языческий» исходно означало «иноплеменной, нерусский, иной веры» (а раз понятие «русский», как закрепилось в общественном мнении с XV–XVI веков, равно понятию «христианин», то «языческий», соответственно, — это «нехристианский»). Это слово соответствует греческому *ethnikos* — народный.

В других славянских и иных европейских языках для обозначения поклонения идолам употребляется слово «поганый» (*англ.* pagan от *лат.* pagus — деревня, сельская община), которое в русском тоже бытовало, но довольно давно изменило свое значение на «отвратительный, мерзкий».

А слово «язычество», производное от «язычник», и вовсе является поздним по происхождению — оно появилось в русском языке только в XVIII веке; Владимир Даль в своем «Словаре живого великорусского языка» дает ему такое толкование, актуальное по сей день: «Идолство, кумирство, идолопоклонство, обожение природы или истуканов вместо (христианского. — К. К.) Бога».

Любопытно, кстати, что среди самих ученых, которым современные язычники ставят в вину произвольное и некорректное употребление слова «язычество», имеются серьезные разногласия по поводу того, что же скрывается за этим словом. Одни специалисты утверждают, что язычество — это целый комплекс религий, обособленных друг от друга, зато другие (их, правда, меньшинство) считают язычество единой и цельной религией, своего рода универсальной религией природы, которая дробится на несколько направлений.

Эти другие находят у всех языческих направлений общий элемент — по выражению религиоведа Майкла Стрмиски, «стремление возродить политеистические природные культы дохристианской Европы и адаптировать их к потребностям сегодняшнего дня». Историк Вуотер Ханеграфф полагает, что все языческие направления

опираются на два убеждения: будто «идолопоклонство», столь сурово осуждаемое христианством, некогда выступало в качестве полноценного религиозного мировоззрения и будто ритуалы и практики, связанные с этим мировоззрением, возможно и необходимо возрождать в современном мире.

Направления в язычестве признаются «отпрысками» или ветвями одного общего «ствола», и подчеркивается, что многие из них подверглись и продолжают подвергаться, если угодно, «перекрестному опылению»: испытывают сильное влияние других направлений и сами на них воздействуют (к вопросу взаимного влияния языческих верований мы будем неоднократно возвращаться в тексте книги на конкретных примерах). Эта точка зрения выглядит достаточно убедительной, особенно если совместить религиозную оптику с мифологической, то есть с представлением об общей «прамифологии» индоевропейских народов, из которой постепенно — воспринимая различные сторонние влияния и оказывая взаимное воздействие — «прорастали» многочисленные этнические варианты, как то: греческая, римская, кельтская, скандинавская, славянская и другие мифологии, одновременно близкие и далекие друг другу.

В настоящей книге под современным язычеством понимается совокупность (ре)конструируемых мировоззренческих и обрядовых практик, альтернативных и оппозиционных официальным (прежде всего авраамическим религиям), направленных на «возрождение» и распространение в обществе «исконной» этнической/национальной веры (культы асов и ванов в Скандинавии, почитания «Владимировых богов» на Руси и тому подобное). При таком определении из рассмотрения исключаются разнообразные оккультные и теософские учения, боль-

шинство духовных практик нью-эйдж и обновленческие религии, для которых, в соответствии с христианской заповедью, «нет ни эллина, ни иудея». Безусловно, современное язычество, как будет показано далее, многим обязано квазирелигиозному движению нью-эйдж и, как ни забавно, традиционным религиям, которые на словах решительно отвергаются, но в целом само это социальное явление можно охарактеризовать как одну из форм романтического национального духовного возрождения.

Главная, пожалуй, особенность современного язычества состоит именно в его современности. Конечно, многие его последователи часто утверждают, что они «поклоняются богам, как встарь», а сетевые языческие ресурсы пестрят заявлениями о древних знаниях, якобы унаследованных или каким-то образом обретенных нынешними «идолопоклонниками», но все же всерьез говорить о какой-либо преемственности культов и о непрерывности традиции с незапамятных времен до наших дней не приходится.

Наглядным примером здесь может служить язычество славянско-русское: о древнерусских языческих божествах не сохранилось никаких сведений, за исключением нескольких имен, а те немногочисленные подробности культа, которые известны сегодня, представляют собой лишь догадки разной степени произвольности и обоснованности. Традиция, очевидно, прерывалась, причем неоднократно — и благодаря распространению христианства, и под влиянием советского атеизма, — так что современное славянское язычество есть, по большому счету, лишь реконструкция, крайне слабо связанная с настоящим,

дохристианским язычеством, о котором мы ничего не знаем.

То же самое справедливо даже для наиболее «исторического» среди направлений современного язычества — германо-скандинавского асатру. Приверженцы этого направления ссылаются, как правило, на старинные тексты о деяниях богов и героев — на «Старшую» и «Младшую Эдду», а также на скандинавские саги, где встречаются не только краткие, но и вполне развернутые описания языческих обрядов: мол, вот заветы предков, которые мы тщательно соблюдаем, и вот обряды, которые мы отправляем «как раньше». Однако дело в том, что все эти тексты были записаны уже значительно позже христианизации скандинавских земель; они неизбежно подвергались искажениям вследствие смены культуры (а еще вследствие человеческого фактора — ошибок переписчиков и так далее), а значит, прямую линию от язычества древнего к современному провести опять-таки невозможно.

Paganism, heathenry, gentilidad

В неславянской языковой среде восходящий к латыни термин *pagan* («язычник»; впервые использовано в этом значении в форме *paganus* в официальном документе 370 года) нередко предпочитают заменять германским по происхождению словом *heathen* с аналогичным значением, тем самым подчеркивая «исконность» и дохристианское («долатинское») бытование языческой веры.

Как считается, первым ввел в употребление слово «неоязычество» (*neopaganism*) в 1960-х годах американский язычник, сооснователь «Церкви всех миров» и «чародей» Тимоти Зелл (Timothy Zell; он же Оттер ГЗелл, Оберон Зелл или Оберон Зелл Воронье Сердце). Со временем это определение, впрочем, стало признаваться в языческой среде неудовлетворитель-

ным — в первую очередь из-за греческой по происхождению приставки «нео-»; по той же причине стал отвергаться и латинский суффикс *-ism* в слове *paganism* — заявлялось, например, что этот «христианский» суффикс унижает истинных язычников.

Поэтому сегодня многие западноевропейские и американские язычники выбирают для общего обозначения своей веры английское слово (восходящее к прагерманскому) *heathenry*, а некоторые даже противопоставляют слова *paganism* и *heathenry* как указания на два принципиально разных явления: первое якобы подразумевает антихристианскую ересь либо синкретические культы наподобие викки, а вот второе, собственно, и является «подлинным именем» современного язычества.

В науке, вопреки возражениям языческого сообщества, чаще используется «уничтожающий» термин *paganism* (и *neopaganism*) с пресловутым латинским суффиксом.

Еще можно встретить в значении «язычник» слово *gentil* и его производные — в частности, в переводах Библии на европейские языки, но это устаревшее и «книжное», а не повседневное обозначение.

Разумеется, одни направления современного язычества в чем-то более традиционны, чем другие. Скажем, марийское и мордовское язычество — почитание священных рощ, совместные молитвы под руководством жрецов-патов и тому подобное в сравнении с язычеством славяно-русским выглядит более аутентичным, ибо у марийцев, к примеру, традиция языческого культа не прерывалась, как кажется, со Средних веков.

Но если присмотреться, это впечатление окажется ошибочным, и быстро выяснится, что и тут имеются свои подводные камни: то марийское язычество, которое сегодня «изобретается», по метафоре историка Эрика Хобсбаума, то есть заново (вос)создается городскими энтузиастами с опорой на этнографические источники, сильно

отличается от язычества «деревенского», существующего параллельно «городскому» и близкого к «крестьянской магии». Какое из этих двух язычеств нужно признать более правильным и «чистым»?

Оба направления на протяжении столетий испытывали воздействие внешних факторов, соприкасались с христианской, исламской и буддийской культурами, преобразовались народным просвещением в имперскую и всеобщим школьным образованием в советскую эпоху, поэтому «чистота» современного язычества и в этом случае видится довольно сомнительной, а непрерывность традиции вызывает вопросы.

В общем, современное язычество вряд ли может сколько-нибудь обоснованно притязать на право преемственности в отношении язычества древнего, и это обстоятельство нужно принимать во внимание всякий раз, когда из уст современных язычников звучат рассуждения о «древних знаниях» и «вере предков».

Как пишет исследовательница нового скандинавского язычества Штефани фон Шнурбайн, «приставка „нео-“, обычная среди ученых и широкой публики в применении к язычеству наших дней, не должна нас обманывать. Она предполагает существование древнего язычества, которое необходимо восстановить и возродить. На самом же деле все обстоит ровно наоборот: неоязычество — исключительно современное явление, оно конструирует идеализированное культурное и религиозное прошлое, представление о котором проецируется на настоящее исходя из тех скудных источников, что почти не содержат сведений о дохристианских культурах».

Современное язычество воспроизводит в своих обрядах не подлинную «суть вещей», а представления человека наших дней об этой сути.

В принципе, это верно для любых утверждений о прошлом, в особенности отдаленном: мы приписываем предкам собственный образ мыслей, нам хочется думать, что они действовали из побуждений, понятных для нас, в том числе поклонялись богам и воспринимали мир так, как воспринимаем его мы, но это крайне смелое допущение, противоречащее законам человеческого развития и общезжития. Наш современник при всем желании не способен «переволотиться» в предка — помешают и материальные (эволюция индивидуума и общества), и психологические (воспитание, базовое образование) причины. Следовательно, любая современная социальная практика, будто бы воспроизводящая ту или иную практику прошлого, является по своему содержанию новой, сколько бы она ни рядилась в старые одежды. И современное язычество ни в коей мере не является исключением из этого правила.

Прошлое — чрезвычайно полезный символический ресурс, к которому нередко обращаются для того, чтобы подкрепить — легитимировать — какие-либо действия в настоящем. Теоретики и практики современного язычества тоже охотно прибегают к такому способу подтверждения мнимой преемственности своих воззрений, но нужно помнить, что это язычество, несмотря на все заявления о древности и все упоминания об авторитете предков, создается здесь и сейчас, буквально на наших глазах.

Другая заметная особенность современного язычества — его преимущественно национальный и даже националистический характер: люди хотят чтить «своих» богов, а не «каких-то чужих и пришлых», как сказал один язычник-